

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).
Проект № 09-04-00173а (научный проект)

Изображения для издания предоставлены
Российским государственным архивом
литературы и искусства

Редакционный совет Российского государственного
архива литературы и искусства

Т. М. Горяева (председатель), Л. М. Бабаева, Л. Н. Бодрова, Е. В. Бронникова,
А. Л. Евстигнеева, Т. Л. Латыпова, М. А. Рашковская, Н. А. Стрижкова, Е. Ю. Филькина

Ответственный составитель
Н. А. Стрижкова

Берггольц О. Ф.

Б48 Мой дневник. Т. 2: 1930–1941 / составление, текстологическая подготовка, подбор иллюстраций Н. А. Стрижковой; вступительные статьи Т. Ю. Красовицкой, Н. А. Стрижковой; комментарии Н. А. Громовой, Н. А. Стрижковой. — М.: Кучково поле, 2017. — 824 с.: 16 л. ил.

ISBN 978-5-9950-0765-4

Вторая книга многотомного научного издания дневников О. Ф. Берггольц (1910–1975), хранящихся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), включает дневниковые записи за 1930–1941 гг. Дневники этого периода полнотекстово, без купюр публикуются впервые. На их страницах описаны период работы Берггольц корреспондентом на стройках первых пятилеток, вхождение в литературу, трагические годы смерти дочерей, сталинских репрессий, собственного ареста, тюремного заключения.

Текст записей воспроизводится по автографам дневниковых тетрадей. Издание снабжено научными и текстуальными комментариями, статьями. Книга иллюстрирована документами и фотографиями из личного фонда О. Ф. Берггольц в РГАЛИ.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос–рус)6

ISBN 978-5-9950-0765-4

© Российский государственный архив литературы и искусства, 2017
© Берггольц О. Ф. (наследники), текст дневника, 2017
© Громова Н. А., комментарии, 2017
© Красовицкая Т. Ю., вступительная статья, 2017
© Стрижкова Н. А., составление, текстологическая подготовка,
вступительная статья, комментарии, подбор иллюстраций, 2017
© ООО «Кучково поле», макет, издание, 2017

Нормальный человек сам с собой не беседует...

«Что за разговоры с собой? Что за договоры с самим собой, что за условия самому себе, что за бред? Нормальный человек сам с собой не беседует...»

Дина Рубина. Вот идет Мессия!..

XX век вверг человека в пучину доселе немыслимых страданий, лишений и бед. Сами меры человеческого подвига и падения оказались за гранью всех возможных представлений о них. Действительность оказалась фантастичнее вымысла, факты — красноречивее слов. Особенно в России, особенно в 1930-е гг.: «О, иностранцы, как вам повезло! / Вы в переводах гениальны дважды. / Нам открывало вас не ремесло, / Но истины преследуемой жажда»¹.

Жажда «истины преследуемой» настигла общество и историческую науку, которая переживала кризис модели историописания, осмысления смысла и сути написанного исторического продукта. Не спасали и работы знатных иностранцев, указующих на слабость или неверность методологии ли, методики. Разочарование в научных оценках было не только в профессиональной среде, но и среди алчущих истины читателей. История, которая оперировала цифровыми данными, касались ли они промышленности или сельского хозяйства, культурных средств и институтов или, перекрывая их, отбрасывая даже, ведя ожесточенный спор о том, а сколькими жертвами эти достижения достигнуты, эта история перестала быть признаваемой. Она не совпадала с тем, о чем говорили истории людей.

Дневник Ольги Федоровны Берггольц, который она продолжала вести и в 1930-е гг., заполняет особую лакуну в особом периоде истории страны и в течении человеческой, полной загадок и непонимания тех, кто пытается ее понять, жизни. Берггольц, ее лирико-романтической поэтической натуре

(«Иди, вставай, кудрявая, навстречу дня!» — это же ее строка в «Марше энтузиастов» Б. П. Корнилова, первого мужа) на этот период ее земного существования пришелся бы расцвет творчества. Но своей самой лирической героине тоталитарный режим 1930-х гг. избрал самое изощренное испытание. Причем не на подрыв веры в него и не на только подозрение, что вера может быть подорвана, нет, подрывом энергии заблуждения.

В 1930 г. Ольге 20 лет, она учится на филфаке Ленинградского университета. Замужем за поэтом Борисом Корниловым, у них дочь, но семьи нет. Борис пьет. Ольга уезжает на практику во Владикавказ, где проводит половину лета и осень, работая в газете «Власть труда». Уже любит Николая Молчанова, это самая большая ее любовь. Одна за другой выходят книги. Хвалят М. Горький, С. Маршак и даже А. Ахматова. Ольга молода, необыкновенно хороша собой; в нее влюбляются, она влюбляется. Быть любимой, увлекаться, нравиться — это ее способ жить; энергия бьет из нее ключом. Но у Николая обнаруживают тяжелую эпилепсию, она каждый день боится его припадков. В 1934 г. поэтессу приняли в Союз писателей, откуда несколько раз исключали, затем восстанавливали. В декабре 1938 г. Ольга Берггольц арестована по обвинению в связях с врагами народа. На момент задержания она беременна. После побоев поэтесса в тюремной больнице родила мертвого ребенка. Через полгода после ареста она отпущена на свободу и полностью реабилитирована.

*«И все-таки больше даже этой боли — боль об Ирине, боль огромная, спокойная, неумолимая, потому что — я виновата. Было такое счастье, как Ира, а я... да вот, все записано!»*² В 1932 г. у Ольги и Николая родилась дочь Майя, но это материнство оказалось трагичным. Малышка умерла через год. И все тяжелее болеет ее первый ребенок — дочь от Бориса Корнилова Ирина. В возрасте восьми лет от болезни сердца она умирает. Самого Бориса в феврале 1938 г. расстреляли по надуманному обвинению.

Пока историки собирались с мыслями, российские издательства уловили важную социальную интенцию, «зарядив» целые серии специальных публикаций, в их числе особо выделяются дневники. Сегодняшний взрыв интереса к ним стимулирован не только устранением разного рода преград (среди них и юридических), делавших их ранее недоступными для изучения и тем более для простого чтения. Тексты дневника Ольги Берггольц идеально встраиваются в современную постмодернистскую политическую и эстетическую ментальность. Они — самый интересный источник, передающий личный опыт переживания исторических событий 1930-х гг. и отражающий самоидентификацию человека в них.

Дневники О. Берггольц возвращают человеку его место на авансцене истории. Ежедневные дневниковые записи фиксируют непереносимое личное присутствие «Я», переживание важных исторических событий, заполняют ими лакуны официоза. Они создают ту самую самость, которая повышает их ценность среди прочих документальных свидетельств прошлого. Безусловный талант и женский склад дневниковых записей Ольги (именно он, мужской бы многие важные стороны жизни упустил или пережил по-иному, так ярко проявится в блокадном Ленинграде) изменяют отношение к документальности дневников.

Интерес к дневникам отражает очевидный дрейф читательского интереса от понимания событий к пониманию человеческого состояния: как эти тридцатые годы можно было пережить? Ю. М. Лотман писал, что такие дневниковые записи «делаются не с целью запоминания определенных сведений, а имеют целью, например, уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение которого без записи не происходит»³. Естественно, этот дрейф подхватили и историки, переключаясь от изучения событий к изучению состояний⁴.

Оценки Берггольц своих внутренних переживаний снизил авторитет официальных документов, заточенных, прежде всего, на сохранение официальной истории. Но не так-то просто провести в дневнике такую демаркационную линию, отграничить внутренний мир молодого поэта от официальной истории. В этом-то и тайна тоталитаризма, ее уловила еще Ханна Арендт. Йохен Хелльбек считает, что посредством записей человек контролирует свое мировоззрение, усваивая коммунистические идеи: «Упорно рационализируя непостижимую государственную политику, они (авторы дневников. — Т. К.) становились тем самым соавторами идеологии наряду с лидерами партии и правительства»⁵.

Что же, если принять такую позицию и искать истину в дневнике, то приближаться к ней следует «послойно». Загадочнее в ней сама Ольга. Может быть, недаром почти соседствуют в дневнике записи: «О, как все это сложно и трудно, как не хочется быть говном и как трудно не быть им...»⁶ (16 апреля 1937 г.) со строками: «Я знаю о многом. Я помню. Я смею. Я тоже чего-нибудь страшного стою...»⁷

13 декабря 1938 г. Ольгу Берггольц обвинили чуть ли не во всех смертных грехах и бросили в тюрьму. На одном из допросов у нее начались преждевременные роды, хлынула кровь. Босую и окровавленную, ее отвели под конвоем по снегу в медицинскую часть. Она рассказывала потом: «Сидели несколько врачей. Не подошел никто. Молодой конвойный со штыком наперевес, пряча слезы, отвернулся.

От составителя

Издание *«Ольга Берггольц. Мой дневник. 1930–1941»* является второй книгой запланированного четырехтомного научного издания всех дневников О. Ф. Берггольц, хранящихся в ее личном фонде в Российском государственном архиве литературы и искусства (Ф. 2888)¹.

Дневники О. Ф. Берггольц охватывают период с 1923 по 1971 г. При подготовке к публикации весь корпус дневников был разделен на следующие периоды: дневники отрочества и юности (1923–1929), дневники 1930-х гг., записи периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и дневники послевоенного времени (1946–1971).

В первой книге четырехтомника «Ольга Берггольц. Мой дневник. 1923–1929»² опубликованы записи с 24 января 1923 по 24 ноября 1928 г. и запись на отдельном листе о дочери Ирине, датированная от 20 марта по 14 мая 1929 г. Книга не включает уже опубликованные тетради этого же периода, хранящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом)³.

В настоящем издании впервые публикуется весь корпус дневниковых записей 1930-х гг.: с 17 февраля 1930 по 20 июня 1941 г.

Ранее с купюрами были опубликованы отдельные записи этого периода. Выдержки из дневниковых тетрадей 1936 г. публиковались в сборнике документов «Между молотом и наковальней»⁴.

Записи за 1939–1941 гг. были опубликованы сестрой поэтессы М. Ф. Берггольц в журналах «Звезда», «Знамя», альманахе «Апрель»⁵. Затем они были включены в сборник «Ольга. Запретный дневник», опубликованный в 2010 г.⁶

Однако полнотекстово, без купюр, дневники О. Ф. Берггольц 1930-х гг. публикуются впервые.

Настоящее издание подготовлено по автографам дневниковых тетрадей, хранящихся в РГАЛИ. Принцип передачи текстов сохраняется преж-

ний — полнотекстовое издание без изъятий и искажений, с максимально передачей рукописей дневниковых тетрадей.

При передаче текста дневников были использованы нормы и методы отечественной археографии, закрепленные в «Правилах издания исторических источников в СССР» (М., 1990), а также разработаны особые приемы передачи текста, учитывающие авторские стилистические и лингвистические особенности ведения дневниковых записей.

Дневники публикуемого периода представляют собой школьные и общие тетради, блокноты, записи на отдельных тетрадных листах, оборотах производственных бланков (всего 29 ед. хр.). Они выполнены черными, фиолетовыми, синими, красными, зелеными чернилами, красным, синим и простым карандашами.

Несколько тетрадей имеют авторское название. Четыре тетради названы «Электросиловский дневник» и «Электросиловский блокнот», что связано с работой О. Ф. Берггольц заводской газете «Электросила» и участием в проекте М. Горького «История фабрик и заводов» (подготовка серии книг по истории промышленных предприятий СССР). В этот период О. Ф. Берггольц собирала материал для книги по истории завода «Электросила» и записывала сведения, как и черновые наброски будущей книги, в своих дневниках. Одна тетрадь названа «Цех фантазеров», потому что в структуре дневниковых записей есть черновые наброски незавершенного одноименного романа.

Обложки и форзацы тетрадей исписаны афоризмами, цитатами, черновыми набросками собственных поэтических сочинений. Записи на обложках дневниковых тетрадей оговариваются в постраничных примечаниях с точным указанием расположения записи (обложка, оборот обложки, форзац, оборот тетради).

В некоторых тетрадях отмечается утрата листов или части листа, что оговаривается составительскими примечаниями к тексту.

В тетради вклеены вырезки из газет, в дневник 1930 г. — в первую, публикуемую в данном издании тетрадь — вложены записка, выполненная неустановленным лицом, а также открытка без текста. Наличие этих материалов оговаривается в археографическом описании дневниковых тетрадей, так называемой легенде, перед комментарием, там же воспроизводится текст документа.

В структуру дневниковых записей включены художественные тексты: варианты стихотворений, черновые наброски прозаических произведений, а также нетекстовые элементы: чертежи, схемы, геометрические фигуры,

математические и финансовые расчеты, таблицы, мелкие рисунки на полях. Таким образом, в дневниках сочетается документальная и художественная проза, их содержание отражает не только биографические и исторические реалии, но и творческую лабораторию автора.

Помимо авторского текста, в дневниках есть записи, пометы других лиц, а именно: второго мужа О.Ф. Берггольц Н.С. Молчанова и следователей НКВД И. Кудрявцева и С.А. Гоглидзе. После ареста О.Ф. Берггольц в 1938 г. дневники были изъяты и просматривались в рамках следственного процесса. Подчеркивания следователя выполнены красным карандашом. Эти пометы имеют особое значение, они являются ярким свидетельством трагического периода в жизни О.Ф. Берггольц, а также самостоятельной содержательной частью дневников, поскольку их анализ позволяет изучить ход обвинительного процесса, формирование доказательной базы органами НКВД. История этих дневниковых тетрадей — беспрецедентный случай, когда после следственного процесса по статье 58 рукописи личного архива с пометами следователя был возвращен владельцу, а не закрыты в ведомственном архиве в составе следственного дела. Большинство таких дел до сих пор не рассекречено и недоступно для исследования. Для наглядной передачи этих фрагментов дневников в издании они воспроизводятся графически красным цветом.

Авторское обозначение датировок было сохранено. Запись о годе вынесена перед публикуемым блоком дневниковых записей, относящихся к этому периоду. Отсутствующие в рукописи авторские даты восстановлены по содержанию и обозначены в угловых скобках. О.Ф. Берггольц вела дневник одновременно в разных тетрадах. Вследствие этого в рукописях отдельных тетрадей есть анахронизм. При публикации дневниковые записи передаются в хронологическом порядке с пояснениями в постраничных сносках. Перед комментарием в археографическом описании дневниковых тетрадей указываются страницы издания, на которых публикуется каждая тетрадь. Встречаются в дневниках ошибки в датировке записи (числа или года), что выявляется по содержанию. В таких случаях авторская дата перед записью сохраняется, а правильная дата указывается в составительских постраничных примечаниях с пояснением.

Записи, относящиеся к более позднему хронологическому периоду, но поясняющие или комментирующие предыдущие записи и по смыслу связанные с текстом, сохранены в этом же фрагменте, но выделены курсивом как записи-вставки. Другие вставки в текст дневника (варианты стихотворных строк, написанные сверху основной строки или под ней, приписки на полях и др.) также выделены курсивом.

Записи, сделанные другим автором (в данном издании — Н.С. Молчановым), воспроизведены с помощью более мелкого шрифта и отмечены постраничной сноской с указанием лица, сделавшего запись.

Все дневниковые записи, вошедшие в состав книги, приведены в соответствие с нормами современной орфографии и пунктуации. Специально не оговаривается исправление явных описок и орфографических ошибок. Сохранены авторские словообразование и особенности написания отдельных слов, связанные со стилем, речевой манерой автора. Некоторые примеры авторского словообразования поясняются в примечаниях в постраничных сносках: «Так в тексте».

Авторское написание было сохранено при передаче художественных текстов и чужой речи. Сохранены некоторые примеры своеобразия пунктуации, которые позволяют передать эмоциональное состояние автора (тире, несколько восклицательных знаков, многоточие). Таким образом, при текстологической подготовке рукописей произведена орфографическая унификация, но сохранено авторское стилистическое своеобразие.

При публикации дневниковых записей были приняты следующие обозначения. Вычеркнутые автором слова и фразы были восстановлены в квадратных скобках. Слова, ошибочно пропущенные или не дописанные автором, восстановлены в угловых скобках.

В угловые скобки также заключены составительские конъектуры, в том числе указания на обрывы дневниковых записей. Восстановленные составителем части отдельных фраз, текст которых был прочитан предположительно, обозначены с помощью угловых скобок и знака вопроса. Особо отмечены слова, написанные автором неразборчиво, с указанием их соответствующего числа (например: <1 сл. нрзб>, <2 сл. нрзб> и т. д.).

Выделенные в тексте рукописи слова или фразы, подчеркнутые одной линией, обозначены аналогичным образом без каких-либо редакторских объяснений; слова или фразы, подчеркнутые двумя линиями, передаются с помощью полужирного шрифта; слова или фразы, подчеркнутые в рукописи волнистой линией, обозначены с помощью полужирного курсива. Слова или фразы, выделенные Берггольц лигатурой, квадратными скобками, обведенные кругом, рамкой, поясняются в постраничных составительских примечаниях.

Перевод иностранных слов приводится в постраничных текстологических сносках и поясняется, если это необходимо, в комментариях к дневникам. В случае неточного цитирования автором текста на иностранном языке в подстрочных постраничных сносках указано: «Так

17/VI-30. Владикавказ

После долгого перерыва снова начинаю т. н. дневник. Я уговариваюсь сама с собой, что принципиально отличный от прошлого. Но надо сказать кое-что о себе. Вот — развод с Борькой. О, да, уже окончательный, рецидивов не будет. Правда, сейчас стало больнее, чем первое время, хочется написать ему ласковые слова, но сдерживаю себя, т. к. знаю, что это ни к чему. Да, я поступила правильно. Быть может, и я поступала скверно, но дело — сделано, поворачивать нельзя. И вот начинается самостоятельная суровая, роскошная жизнь, жизнь вплотную.

(Оторвалась ото всего и ехала-ехала на Кавказ. А степи, степи... А синие глаза того украинца.)

Устала очень... Не могу собрать мыслей. Да, собственно моим первым шагом было то, что я сошлась с Николаем. Сознательно добивалась этого. Все время хотелось его ласк и поцелуев. Иногда я просто болела им. Его брови меня мучили, и когда он, которому я по плечу, шел рядом и руку мне стискивал — ну, умри, а целуй, а будь моим! Сознательно не разбиралась в «чувствах», а когда пела частушки, вкладывая всю силу свою, то прямо летело все внутри — «да ну-же, ну-же, люби»... Сознательно отмахивалась от того, что он с кем-то жил или живет, от вопроса о его «прошлом», — в общем такое «сознательное бессознание». И кое-что в этом я считаю плюсом, а не минусом.

Например, сдерживание себя в отношении «прошлого» Коли. Вот первый пункт кодекса, еще не созданного мною: с легким сердцем надо подходить к человеку. Ни его, ни твое прошлое роли никакой не играет... Что мне до него?.. А если все же грызет, что тогда? Ведь грызет — хватают — «руки мертвых». Нет, писать не могу нынче... Устала. Лягу.

20/VI

Нет, наверное, не вести мне дневника больше! Такая работа настанет, что места не останется и времени для длинной записи личных переживаний. Хотя, нет... отказаться от этого не могу. Будет время — буду записывать. И здесь же буду вести свои корреспондентские записи. И это будет тот род дневника, о котором я мечтала.

Вот, вот работа! Попрошу прикрепить меня к Севкавказинку. Поеду в Ингушетию, в Дигорский комбинат. Вот строительство вплотную, вот тот энтузиазм, в который мне иногда не верилось, а думалось — что это газетные строки.

И как по-новому ощущаю я свое умение обращаться со словом, свою дружбу и борьбу с ним!.. Вот именно как фактор борьбы, строительства. Собственно, я это ЗНАЛА, а ощутила, почувствовала со всей силой радости именно недавно. Я должна, я буду писать настоящие, хорошие стихи!..

Сейчас я приехала на Гизельдон. Идем на строительство.

Начало строит<ельства> 1927 сент<ября>.

В 1928 г. 1 силов<ая> станция.

3 генератора по 120 киловатт.

3 смены по 2 ч<еловека —> машинист и счетовод. Силов<ая> станция обслуживает все строительство. Машины — генер<аторы> и турбины ленинградские. 15 атмосфер давления, с такой силой влив<ается> в трубы. Станция освещает, таскает вагонетки. Строили станцию, сначала к ней прокладывали дорогу, ехали по руслу, машины везли на волах.

Строить трудно было, машины подвергались опасности.

Ленточная глина

2600 метр<ов>.

<Чертеж прокладываемого туннеля.> 304 м.¹

Рабочий напор

I — установка в СССР по своей высоконапорности.

Водонапорн<ый> водовод, возле плотины

II — водоспускной туннель, пропускать излишек воды, кот<орый> не помещается в гл<авный> туннель.

16-метр<овой> высоты, земляная плотина с обратным фильтром водохрани<лища>, расход воды — колич<ество> воды, проте-

кающей через сечение реки в секунду, — 0,80 к<убических> м<етров> — ср<едний> расход.

В паводок — 25 куб<ических> м<етров>

Станция будет работать 3–4 м<есяца>.

22500 киловатт — полная мощность

6000 кил<оватт> — Зимний <?> уровень.

Тоннель облицовывался железобетоном

2,25 м<етра> — диаметр

Порода — завала, древнего обвала, в большом тоннеле — скалистый грунт<овый> пост.

<Рисунок тоннеля в поперечном разрезе.> 19–24 шпуров

3 литра в 3 смены в сутки. После взрыва — устанавливаются крепи. После устанавливают опалубки, такие деревянные кружала.

<2 сл. нрзб>

4 ок<оренка> гравия — 1 в.

ок<оренок> — ящик, корма.

4 ок<оренка> гравия + 2 ок<оренка> песка + 1 цемента = 1 вагон<етка> бетона.

Забетонировать 1 погонометр — 8–7 вагонеток цемента.

Почему задерживается плотина?

Станцию стали строить без геологических разведок. Теперь ведется работа геологически-исследовательская. Выясняется, что основание не скалистое, а ленточная глина, если она везде — то это хорошо, т. к. вода не будет просачиваться сквозь почву.

Слияние Геналдона с Гизельдоном, для увеличения расхода воды.

Сейчас происходит сбойка, т. е. туннель становится сквозным.

<Чертеж.>

Сбойка происходит торжественно, пробивается дырка в породе толщ<иной> в 44 м<етра>. Это очень ответственное дело, т. к. могут не сойтись пути.

Майрановский.

На скалах вблизи Кобани — надписи:

Рабочий, топай скорей

Десятник, не опаздывай.

Потпурт — где силовая врем<енная> ст<анция>.

¹ Слова «304 м.» обведены кругом.

Ольга Берггольц
1935¹

10/XI-35.

И вот я в Петергофе.

Очень славный, скромный номер. Очень тихо. Одна. Холодно. Пустые, грустные парки... Бедная вы, Берггольц, бедная... Я приехала сюда главным образом потому, чтобы иметь возможность — быть с Виктором. Хотя он и говорил сегодня по телефону, что придет, «если выберет время» (ну, не удивительно ли? Не глуп ли он?). Я знаю, что он придет, и все будет так, как я хочу...

Должен быть очень хороший разговор — настоящее сближение душевное. Мне хочется быть откровенной, просто вывернуться перед ним. О чем я буду говорить ему? Об «Аэрограде», об «Идиоте», об «Истории», прочту последние свои стихи. Я скажу, что все <больше> и больше недовольна ложной жизнью своей, что чувствую, что живу и отношусь к жизни не так, как нужно — не серьезно, что я слаба, нерешительна, типичный двурушник и соглашатель, что могу быть хорошей, ясной — и как сделать это, как распутать себя?..

Пишу и знаю, что все это почти маневры. Вот я могу сейчас уйти от Кольки — все подготовлено к этому. Но замуж за Виктора не хочу. Не уживусь я с ним, и Колька во мне слишком глубоко сидит. Ну, а лжи сейчас почти нет. Коля почти все знает.

Что-то не так, что-то потянулось нехорошее, серое.

Вчера опять полусерьезно говорили с Колькой о возможных наших разводах и моем браке с Витей.

Как прекрасно начиналась и длилась любовь наша с Колей — а теперь? Самая возможность подобных разговоров не говорит ли об ее ущербе? Коля говорил, что последние годы мы все дальше и дальше друг от друга. Что почти не помогаем друг другу в работе, и т. д. и т. д., не считая лейтмотива о том, что он не обеспечивает мне материальное благосостояние...

Он любит меня, и я знаю, что я люблю его, но что-то не то, что-то не то, и точно вся жизнь прожита, и ничего уже не будет. Да, вот

так. И я одна, и ни с чем, и нет ничего от прекрасного прошлого, кроме благодарности к нему и грусти.

Неужели так быстро прожила я жизнь, и вижу ее до дна, а дальше одно и то же?

Нет, это временное смутное время. Безвременье! Да, то, что я переживаю сейчас, лучше всего можно охарактеризовать как душевное безвременье.

Потому что — никаких полных, яростных, удовлетворяющих душу чувств. Не то что полная плешь, равнодушие и искусственное самоподогревание — нет, этого-то еще нет, но все как-то ущербно и не целиком.

Но послезавтра придет Витя и это будет праздник и жизнь. О, какой я буду!..

А сейчас — работать. Вот так попишу-попишу, и вижу, что не все до конца плохо. «Семнадцатый»!

11/XI-35

Вчера работала очень прилично. Но при приближении — материал «Семнадцатого» как-то... не то что тускнеет, а тяжелый, и обнаруживается масса всяких дополнительных моментов, утяжеляющих вещь. Сейчас идет очень кропотливая работенка по разности, сличению и т. д. материала, а потом — вдохновиться и писать.

Как бы начать все это снова, снова?

Обнаружена проживающим здесь Н. С. Тихоновым. А помнишь, несчастная, что ты была неравнодушна к нему? Ну и что ж, помню? Он очень мил со мной, разговариваем, причем я с удовлетворением констатирую большую свою свободу в отношении к нему — хорошо. Все-таки он премилый, обаятельный человек.

Ну, за работу, за работу! Очень хочу работать, и работать. Здесь чудесно. Э, нет, не вся жизнь прожита! Хочу показать Н<иколаю> С<еменовичу> свои стишки, но вдруг, после наших разговоров и осуждения ближних поэтов — стало страшно — подумала, что стишки — пошлятина. А на Виктора-то они, конечно, произведут сильное

<Далее обрыв текста, вырваны листы из тетради.>

¹ Запись рукой О. Ф. Берггольц на форзаце дневниковой тетради.

и Мару о наших отношениях». Бегло оправдавшись, я сегодня передала ему краткое, сдержанно-лирическое письмо, где писала, что он должен верить тому, что я никогда не предавала его, и попросила вернуть все мои письма. Результат этой записки не очень интересует меня — пусть бы действительно вернул, и дело в шляпе. А Мара и Женя — лишний урок мне за мою доверчивость, попросту именуемую глупостью и болтливостью. Я действительно никогда не предавала Витю. Ну, черт с ним. Если не кончу «2-х пятилеток» к 25<-му> — тогда просто не знаю, что. Попробую спать.

25/ХІІ.

Как выразить странное чувство жизни, — ощущение привязанности к ней, и более от ее преходящести и неповторимости? Это уже не первый раз, и последнее время все острее. И физически это чувство как бы выразить! Вроде как страх или ожидание, и сердце тошнотно щемит, ломит... Наверно оттого, что встала сегодня рано, утро при огне (всегда кажется, «как в школу») — опять это острое и болезненное ощущение. Детское. Вот такие же утра и всюду много снега.

Успела сделать Ирине первую елку (Постышев тогда ее только что легализовал). Приехали с Муськой тогда туда, в снег Украшали елку. Потом зажгли свечи — пахло воском и теплой хвоей, и печкой, сидели только при елочных свечах, пахло воском и теплом — пахло нашим детством. А мы сидели уже обе взрослые, елка была для моей дочери, и чувствовали, что детство было давно... Потом последовала жизнь, со многим. Теперь и прошлогодняя елка — прошлое. Ириши нет. Вдруг, на мгновения — ощущение (как тогда — своего детства) того вечера, того запаха хвои, вижу и ощущаю счастливую Ирку, бегающую с любопытством вокруг елки, ощущаю ее пушистый свитерок, запах ее волос золотистых, мордашку ее — худенькую, живую... Этого не будет больше, никогда не будет. О, как бы выразить эту невыразимую привязанность к проходящей, тяжелой жизни? Силу этой привязанности, заставляющей нас уходить от умерших, переживать утраты, соглашаться на исчезновение самого дорогого, на бессмыслицу этих утрат? Только бы выразить и понять смысл этой силы, или, если смысл не выражаем, как (условно) не выражаемо единство бога в трех лицах, — только дать почувствовать силу этой привязанности — тогда и смерть не страшна, и исчезновение. Книгу

эту посвящу Ирине. Ее нет, а краткое ее существование живет во мне, открывая мне все время что-то новое... Иринушка! Родная, родная...

Смерть Николая Островского.

Гордая, гордая жизнь! Вот сила привязанности одной жизни — ко всей... Не как писатель, а как человек он — прекрасен и неповторим...

Два вечера подряд — партсобрания. Тут тоже нужно что-то примирить, вернее, понять и усвоить, но не отбрасывать — уж больно неприятно все было. Придется, все же, вероятно, всю жизнь беспокоиться, если не пытаться поскорее и поудобнее все уложить.

А Князев, Мирошниченко и иже с ними не укладываются в мое представление Партии, высокого понятия партийной бдительности, партийного руководства. Я не могу понять, что практика Мирошниченко и др., как практика Кривошеевой — это та самая, настоящая партийная практика. Они глупы, тупы, действуют от ущемления, от догмы. Они некультурны, не талантливы. Это ли руководство Союза писателей? Не потому я это говорю, что Витьке дали на вид, хотя можно бы только указать. Дело в самом подходе к этим вещам. А Брыкин и Никитов? Это — партия? А Трускинов? И все же, поскольку они в партии — это партия. Социализм мы строим со всякими людьми, и большинство из них — дерьмо.

В общем — тяжелый осадок от этих собраний. Парторганизация так и осталась разодранной. Газета очень плохая. А тут еще эта неприятность из-за сволочей Короткова и Клячкина, с Островским. Нужно их гнать сегодня... Надо было сделать это раньше. Масса неприятностей, цепляющих сердце, волнующих все время, как-то киплю. Нервы в ужасном состоянии. Я одна знаю меру их раздерганности — это на грани ежеминутных истерических припадков. Как во сне — всюду опаздываю, ничего не успеваю, а главное — писать не могу. Люди неприятны, теплое и бережное чувство только к Добину (не считая, конечно, Кольки).

Вчерашний разговор с Мартеховым, по телефону. Выпивший был, или нет, но говорил много, утешившего сердце. Хвалил книжку стихов, говорил, что она очень нравится другим ребятам, что он и Скоробогатько пили вчера за меня, спрашивал: «Ну, скажи, за что тебя так у нас на заводе любят?»

С кем ни заговорю — все хвалят!!

Конечно, многое он выдумывал, но кое-что, очевидно, правда. Ну, как писать о нем — живом человеке — во всей правде, для «Знат-

7/VI-37.

Я вся в ничтожестве своем, как в парше. Перечитываю старые дневники, письма, — о, как хочется мне многое, почти все уничтожить! Я живу как перед отъездом, когда не осталось больше времени. Если отъезд совершится — в новую жизнь, в новую совсем, то буду я в партии или нет, буду писать или нет, сегодняшние дни все-таки будут оправданы — для меня, т. е. для одной человеческой жизни. М<ожет> б<ыть>, только она одна вообще и существует, как нечто неизменное во времени, реально и важное.

Эти дни будут оправданы тем, что я стану иной для себя и постараюсь совершить свое дело для других — написать книгу о жизни, о том, что жить необходимо и все-таки хорошо.

Мне 27 лет. Я жила, думала, у меня были дети, я любила, сближалась с другими людьми, работала, я казалась себе и нужной, и хорошей. Какой ужасный итог на сегодня и что остается от всех этих дел, встреч, жизни?

Нет детей. Они умерли. Это непоправимо до смерти моей. Я сама во многом виновата, что не сумела сберечь их. Я виновата здесь почти во всем.

Иринина смерть съедает меня, как никому неизвестная, тайная болезнь. Она неотступно со мною. Эта потеря никуда не уйдет от меня..

Люди, отношения с которыми так мучили, и радовали и волновали меня — от Корнилова до Германа. Что осталось от них? Ощущение собственного ничтожества, пакости, глупости — и только. Даже то, что я была всегда искренняя — никак не компенсирует чувства ничтожества. Наоборот. Сколько растрчено чувства, энергии, дум — на то, что не стоило и десятой доли; а сколько за это же время утрачивалось ценного? И эти отношения — лишь цепь утрат.

Работа. Я работала всегда честно, мечтая принести пользу партии, людям, но что осталось на сегодняшний день от всей моей работы, что из нее по чести я могу положить на свой партийный билет, чтоб удержать его? Почти ничего. Да, почти ничего. Кроме искренних и преданных своих намерений, кроме еще никак не реализованной преданности своей нашему трудному делу. И разве мало в самый мой труд влеталось мелочного тщеславия, гадкого честолюбия? Много.

Т<аким> о<бразом>, дело не в моих «ошибках» в «Лит<ературном> Ленинграде», а дело в том, что до сих пор я не сделала ничего особо серьезного и нужного.

— Я не успела, — хочется мне ответить самой себе,

— О, я не успела еще! Дайте мне время — я успею.

Но факт остается фактом.

Я нередко горько и обидно писала о себе на страницах своих жалких, самодовольных дневников. Почти всегда я все же думала, что я все-таки — стоящий человек.

Сейчас у меня нет этого подспудного и утешительного сознания. Это очень страшно. Нет, я нестоящий человек, нестоящий коммунист. Я не так жила, не так. Я была ничтожна со всеми своими романтическими историями, разглагольствованиями, стремлением быть хорошенькой, удовольствием от того, что мной «увлекаются», меня хвалят, мне льстят.

Исключительное ничтожество и пустота. Мне не отделаться от этого — еще будет долго.

А как я вела себя с Колькой? Каким насилиям подвергала его самолюбие, гордость, любовь? Мне казалось, что раз я люблю его на всю жизнь, то кое-что дозволено, — я утешала себя так, когда мне скребло совесть (часто) — но ведь это — же не что иное, как жалкий самообман.

А из всей прошлой жизни остается только Коля. Он остается со мной, не потому, что я хорошая, а потому, что он — прекрасный. А может быть, остается потому, что ему все равно как дожить. Ясно, что он не любит меня так, как пять лет назад. Мое ничтожество явно ему, не меньше, чем мне, и вероятно, стало явно еще раньше.

Страшно признаться, но мне кажется теперь подолгу, что я не имею права быть в партии. И то, что в партии состоят люди и хуже меня — не значит ничего. Дело идет именно обо мне.

Два мотива побуждают меня бороться за себя в партии.

То, что я надеюсь стать иной, оставив в себе то небольшое хорошее, что было и есть во мне; то, что труд мой будет теперь совсем уже честен и чист, и что после такой встряски я смогу работать по-иному, и сделаю нужное дело.

И второе — это уже не столько существо дела, сколько вся его внешняя сторона. То, что «разоблачение авербаховщины» в Ленинграде — в значительно мере носит характер какой-то инсценировки, и я во всем этом — почти на 100% — случайное лицо.

Мотивы, по которым Брыкин и компания стремятся «изъять» меня — не существенны. Действительные интересы партии и литературы не выигрывают ни на йоту от моего исключения. Изъятие

Киршона — полезно и нужно по существу. Изъятие меня — бесполезно, конъюнктурно, нелепо. Поэтому я должна остаться в Союзе и партии. Но это второстепенный мотив.

Главное же то, что я изменю все свою жизнь и стану достойной коммунисткой. Главное в будущем, в возрождении, в реальном труде... Во имя этой будущей жизни, всей жизни одного человека я и буду бороться; я верну себе не только уважение Кольки, товарищей, но и свое собственное...

9/VI-37

В душе и в мире есть пробелы
Как бы от промытых кислот...¹

10/VI-37.

На фоне того, что происходит кругом, — мое исключение, моя поломанная жизнь — только мелочь и закономерность. Как когда падает огромная глыба — одна песчиная, увлеченная ею, — незаметна. Как взывать о доверии, когда у людей наступает недоверие черт знает к кому и чему?

Самоубийство Гармарника... 150 физиков и геологов, арестованных в эту зиму... Теперь — вот суд над военными во главе с Тухачевским (еще не читала). Слухи об аресте Постышева и Манульского — это, пожалуй, вздор... Тот же Ягода... Господи, что же это?!

Да, травить и выкуривать изо всех нор, и если во время этого нужного выкуривания задела, «выкурили» меня — что ж... закономерно; но сопротивляться нужно, конечно... Чудовищно — ни за что, собственно, оказаться в одном ряду с врагами.

Народишко знакомый подрастерялся от обилия измен и т. п., не могу сказать, чтоб я не испытывала недоумения, по меньшей мере. Как, вся военная головка? Хорошо, окружение. Но ведь, кроме того, люди сами что-то думают. Не родились же они изменниками. Работали же во славу страны...

Ну, и что ж? А потом — свернулись.
Необыкновенно трудно.

¹ Двустипшие выделено лигатурой.

Зато слова: цветок, ребенок, зверь
Приходят на уста все чаще...

12/VI-37.

Горек миндаль,
и скучен базар,
И жить начинать — поздно...

Но если б можно было еще раз, набело прожить, скажем, с <19>31 года. Прожить, ничего не забыв из сегодняшнего опыта.

Я перечитывала старые письма — свои и Колины, от <19>31–32 г.

Да ведь я попросту, зачастую, почти всегда — была просто глупа. Глупа и самодовольна! И люди могли увлекаться мною, могли всерьез говорить со мной, а Колька — так любить, как сейчас он, наверное, уже не любит.

Дни бездействия, тяжелых раздумий, опустошенности. Мне кажется, что мне уже никогда не вернуться к непосредственному, радостному восприятию мира — все как будто затянута какой-то мутной пленкой.

Иногда мне, чуть не до психоза, да уж не психоз ли, кажется, что меня не стало — вот когда-то недавно не стало, и сейчас — это так, уж не жизнь...

Да, где-то жизнь приостановилась, на чем-то споткнулась, приостановилось даже и развитие.

А как во многом, во многом была я «Душечкой». Самостоятельные мысли всегда были, но кажется, только сейчас начинаю я думать самостоятельно. Ну и что ж? И все равно — смерть.

Мысль о ее неизбежности с новой силой одолевает меня. Очень бессмысленно устроена жизнь.

Однако что-то надо делать.

Попробую писать «Историю» — давно любимую главу, попробую написать ее хорошо, с новым сердцем. Собственно, не писала «Историю» больше года. Да и выпустят ли сейчас книгу? Все равно, надо кончить этот труд.

Буду писать рассказы, о которых давно думаю. Ведь, ну, через год, через два, дадут же мне печататься? Будет, что печатать. Начну

не имеющая и вредящая ему. Но, очевидно, то, что убедительно для меня — неубедительно для Смольного... Как тут действовать? Я и убеждать особо не стала, т. к. почувствовала стену и поняла, что «мой факт» тоже неубедителен для Хмары, как факт рапповской групповщины и подлости... Вот если б я была известностью или, м<ожет> б<ыть>, если б мое письмо было получено «до оформления материалов»... Если б за меня вступилась какая-нибудь дутая шишка из С<оюза>П<исателей>...

Держалась я безобразно, меня трясло (нервы — ни к черту), говорила каким-то не тем тоном, не сказала, что парторган Союза — говно, что они — сволочи, не сумела доказать это. Повторяю, почувствовала, что это — разговор, подумала «а что мне, в сущности, надо?». Нет, как-то не так, недостаточно резко, гордо и независимо вела себя, тряслась и ушла с осадком, с сознанием, в основном, ненужности этого разговора ни для меня, ни для дела.

Подожду решения ЦК. Только бы уж скорее, а то начнут опять «раскручивать» и не восстановят... Как у нас все... Эх!.. Писать надо, писать... «Не расточая сил на “мелочи жизни”», — писал мне Горький. Не буду, не буду, не буду...

1/III-38.

Опубликовано сообщение прокуратуры о «право-троцкистском блоке». Меня больше всего ошеломило сообщение об умерщвлении Горького. Было, да и есть, такое чувствово, что он второй раз умер, что вот сегодня на твоих глазах его застрелили. Все, а особенно, особенно умерщвление Горького, факты, не поддающиеся, не укладываются в обычные слова злобы, проклятия, неистовства.

Так чудовищно, что просто не верится. Вчера было такое состояние, что окружил какой-то плотный, смертельный мрак... Потом плеснулась в этом мраке мыслишка о себе — как с восстановлением теперь, на этом фоне? Но теперь думаю, что наоборот, не только не должны перестать восстанавливать, а еще смелее восстанавливать честных коммунистов и разоблачать всех, мутивших воду. Боже! Мороз по коже дерет, когда подумаешь, что это сообщение легло бы на то политико-моральное состояние, которое было месяц назад в партии и в обществе, состояние скверное... Ведь буквально бы создавалось впечатление неустойчивости и неблагополучия сис-

мы, — «кругом изменники, пособники, исключенные, безработные»... Несмотря на то, что далеко не все еще пришло в норму, все же тако-го не будет. Это умно сделано — с постановлением, хотя все же надо было раньше...

Кажется, беременна. Надо приложить все усилия к тому, чтобы сохранить ребенка, ведь надо же жить... Осталось же жить, наверное, не долго... Надо заняться практической подготовкой вещей к печати.

Хочу на каникулах съездить в Москву, походить по журналам, издательствам. Думаю, что к этому времени восстановят. Сладострастно предвкушаю, как буду тогда говорить в С<оюзе>П<исателей>... Но прочь мелкие мыслишки! Главное — написать подлинно-революционные, живые, дышащие горечью и счастьем вещи... А досуга нет, чтоб отдаться мыслям только о писании; во сне снится «не» и «ни», и ПВХО.

Задумано много и, кажется, интересно... Надо бы сегодня работать, но гнетет и вызывает школа. Плохо с седьмыми. Завтра-послезавтра надо подсчитать, что могу дать в этой четверти...

13/III-38.

Я отделяюсь... Завтра два года со дня смерти Ирины. Разве уже два года? Разве это было не вчера? Уже зная, что она умирает (мысль работала все время невероятно отчетливо — «нитевидный пульс», — думала я...), я выходила в прихожую больницы, чтобы выкурить папиросу, и тощенькая, злая сестра с мешочками под глазами, придя на дежурство, шипела, узнав, что Ира умирает: «О, это все проклятая советская власть довела!»... «Я благодарна советской власти», — сказала я абсолютно деревянным голосом, покачиваясь от затыжки и предыдущей бессонной ночи с чужим человеком, — «моя дочь умирает, но я ни в чем не виню советскую власть... коммунизм будет построен...», или что-то в этом роде.

Я говорила деревянным голосом и как сейчас слышу его, потому что точно разделилась и почти все время, кроме тех кратких моментов, когда бьющееся сердце заглушало все, видела и слышала себя со стороны...

Когда Ирина умерла (сотни страниц и часов нужны, чтобы описать этот момент), я подумала: «Пусть все уйдут, я останусь с ней одна». И все ушли, и я, замечая себя, встала перед ней на колени,

Расскажут о худших болях,
Услышишь и про мою.

Г. Гейне.

Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь дитя добра и света,
Он весь свободы торжество!

А. Блок¹.

15 июля 1939 года.

13 декабря 1938 года меня арестовали. 3/VII-39, вечером, я была освобождена и вышла из тюрьмы. Я провела в тюрьме 171 день. Я страшно мечтала там о том, как я буду плакать, увидев Колю и родных, — и не пролила ни одной слезы. Я нередко думала и чувствовала там, что выйду на волю только затем, чтобы умереть — но я живу, подкрасила брови, мажу губы. Я еще не вернулась оттуда, очевидно, еще не поняла всего...

5/X-39.

Да, я еще не вернулась оттуда. Оставаясь одна дома, я вслух говорю со следователем, с комиссаром, с людьми — о тюрьме, о постыдном, состряпанном мне «деле». Все отзывается тюрьмой — стихи, события, разговоры с людьми. Она стоит между мною и жизнью.

Я никому не говорю этого, даже Коля всего не знает. Но я взялась для райкома писать брошюру к выборам в местные советы. В ней будет все правда. Да, все будет написано в ней о чудовищных наших победах — это правда. Я верю ей сердцем. Но в ней не будет ни слова о тюрьме — и значит, в ней будет неправда. Но этой правды пока нельзя писать, хотя о ней знаю и я, и тысячи других. Я напишу эту книжку для простых и честных людей, создавших эти победы, прошедших сквозь тот же строй, что и я. Я напишу ее через Сметаниных и пр<очую> сволочь. Сердце горит. Я еще не вернулась из тюрьмы...

¹ Со слов «1939 год» до слов «Он весь свободы торжество! А. Блок» записи рукой О.Ф. Берггольц на форзаце дневниковой тетради.

28.X-42

Ленинград. За окном — артиллерийские залпы. Осада, — уже 15 мес<яцев> блокады. Война. Я пишу здесь только правду, даже, когда на это требуются усилия.

Так вот, 22 июня 1941 года, когда была объявлена война, тюрьма отошла и простилась. Не совсем, я прятала эти дневники, и одна из первых мыслей была, что меня могут выслать или арестовать только за то, что я уже была арестована, без всяких поводов. Но это быстро прошло. Я погрузилась в работу, другие — массовые мысли и чувства, овладели душой, довоенная подавленность исчезла, что страшнее всего, что и у меня и у Коли совсем исчезло пресловутое томящее «чувство временности», как будто именно для этих гибельных дней войны мы и жили, ждали только ее.

Тюрьма простилась, т. е. перестала болеть, т. к. заменилась другой, новой, острейшей и тоже общенародной болью. Рубец же от нее, конечно, остался на всю жизнь. Сейчас, во время войны, особенно ясно видишь, какого громадного размера достигло ежовское преступление, как расплачиваемся мы за те дикие годы теперь. Что будет дальше — увидим. Лелею надежду, мечту, что после войны не повторится пережитого ужаса <19>35–39 гг А Коля, который вместе со мною, и м<ожет> б<ыть>, еще острее (ведь так много молчал, боясь бередить меня!) — переживший всю тюремную эпоху, погиб от голода в январе <19>42 года.

21/VIII

Видела сегодня Левку Левина и Вовку Беляева, говорили. Сердце сосет, что сказала Левке, что и меня 8<-го>. Разболтает, черт, это уж лишнее, вдруг дойдет туда... Ну, и что ж? Почему я не могу рассказать, в чем оклеветали, тем более что я изображаю дело так, что это одно вятское НКВД — да даже не оно, а сволочь Алдан, и говорю вообще так, что это все служит к прославлению нашего НКВД и Гоглидзе. Собственно, это почти правда. Но, о! это «почти»!

25/VIII

Была у Галки. Никак не собраться записать все. А м<ожет> б<ыть>, этого и не надо делать? Не только в смысле самостраховки на случай бу-

дущего ареста, все-таки «спокойнее» нигде и никак не фиксировать своих мыслей, как бы преданны они не были. И, позор! Позор! Нет.

Соберусь с силами — запишу, все, бесстрашно. В Сов<етском> Союзе, советский человек боится своих мыслей? Нет! Ведь иного пути, кроме пути с Родиной, у меня все равно нет. Но сердце и сознание представляют собой зияющую большую рану, дымящуюся сомнением, как отравой... Надо приняться за роман, в работе, м<ожет> б<ыть>, утихнет боль, и многое объяснится... Ведь главная боль в том, что непонятно, что к чему и зачем... Надо же объяснить хоть как-нибудь... Как же жить и работать в таком тумане? Отмахнуться? Не выйдет! Успокоить себя общими фразами, философией типа — «все существующее — разумно, так в истории всегда». Но во имя чего успокаивать? Страшный сквозняк в душе. Ну, пусть. Тяжко до ужаса, но больше не боюсь никаких мыслей... Все очень сумбурно и общо пишу, но пока конкретней не могу — потом, потом... А хочется успокоиться. Хоть бы найти человека, который успокоил. Это плохо, что так жаждешь успокоения.

В душе и в мире есть проблемы
Как бы от пролитых кислот...

Все же возьмусь за роман и стихи.

4/IX

Смутное какое-то состояние, точно непрерывно ожидаю чего-то, после чего уже можно будет начать жить... Но чего? Все еще, почти каждую ночь, снится тюрьма, арест, допросы... Физически чувствую себя ужасно — одуряющие головокружения и слабость, тем более что, кажется, беременна, и уже начинаются тошноты. Коле еще ничего не сказала, пью и не иду в консультацию, чтоб принимать меры против выкидыша. Думаю почему-то, что на этот раз и так удержится.

Через некоторое время пойду. И зубы ремонтировать надо. Но лень, лень, лень все на свете делать. Дома грязно, Коля в забросе, — он еще у меня золото. Ничего, ну, ничего неохота делать и только хочется, чтоб поскорее шло время. Зачем?

Собрала книжечку стихов. Очевидно, печатать ее не будут, — она резко не в плане урашной поэзии, а ведь неплохая, хотя уже лично есть чувство сосущего неудовлетворения — опять не все сказано.

Снесла в «Звезду» пучок стихов, томлюсь от предчувствия разговора с шепелявым дураком Рождественским, который не возьмет почти все стихи из трусости, а сошлет на какие-нибудь шаманские глупости, шепелявый, исписавшийся и все-таки почему-то распоряжающийся судьбами живых поэтов. Вот и все так у нас в литературе. Нет, хотя сказано не все, хотя нельзя будет опубликовать некоторых тюремных (и только из-за слова «тюрьма»!) стихов, книжка все-таки своя, особая...

Да, взлета, колодца — все еще нет, да и будет ли он у меня? Уже, наверное, нет. Только не огорчаться неудачей с книжкой и стихами, выйдет — хорошо, не выйдет — ладно.

Познал я глас иных желаний,
Познал я новую печаль...

Сейчас еще раз пройду ее и сяду за роман. Хочется поскорее показать книжку «им», — чужим, гослитиздатовцам. Как они? А Коле нравится, но не потому ли, что это — наша жизнь? Надо бы еще написать для ребят, как материальный зачин. Но выйдет ли что — уж очень рационалистическое задание беру. Спасение — буду писать о себе <19>26 года.

Интересно, заметят ли «Мечту» и как примут? Смущает, что уж слишком отвечает «запросам»... Ну, а почему нет? Нет, это просто тюремное отравление во мне говорит... Книжка радостная, м<ожет> б<ыть>, однобоко-радостная, но разве, в идеале — это не та жизнь? Дело в том, что чрезмерно хлебнула горя и отсюда все кажется в несколько сумеречном тоне, и кажется, что главное — писать о горе...

Как-то будет получаться роман? Обдумала композицию с главой — смерть Степкиной матери; вероятно, она будет швея, а не дворничиха. Ну, хватит болтовни. Время дорого, а я кисну. О, проклятая вялость...

15/IX-39.

Первый раз в жизни ощущаю такое отсутствие воли к какому бы то ни было действию. Ужас, ужас... Никаких стимулов к деятельности, ничего. Ни писать неохота, ни читать что-либо серьезное... «Застава» кажется в высшей мере пошлой, спотыкающейся в языке, и самое большое — горьковский рационализм...

и детством... Самоистязательно? Но что же делать, если все-все равно, и так, напоминает об ушедшем времени, жизни и счастье? И зачем обороняться? Да, но зачем же вся жизнь — как вино, как огонь, как стрела?! Маулишку тоже позову, — она несчастненькая, но в основном хорошая. Она не виновата, что ее христианским коммунизмом в свое время изуродовали. Мы никто не виноваты, что нас уродовали... «Страдание есть — виновных нет...» Соберу их, угощу и повеселю. М<ожет> б<ыть>, умру на этот раз в больнице...

Мне все вокруг твердит: разлуке
Ты обречен!

Ну, а пока поковыряюсь над «Историей». М<ожет> б<ыть>, что-либо и получится... Ведь другим еще хуже, чем мне... Маша Р<ымшан> второй Новый год встречает в тюрьме... И сколько таких, как она, о, господи! Держитесь, милые товарищи, держитесь!..

Мне все вокруг твердит: разлуке
Ты обречен!..

1930 год

17/VI-30. Владикавказ (С. 29–73).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 329).

Датируется с 17 июня по 12 сентября 1930 г.

Материал данного дневника был использован для цикла статей «Дальность по вертикали» (см.: *Берггольц О.* Дневные звезды. Говорит Ленинград. М., 1990. С. 449–462).

За высоту ж этой звонкой разлуки... (С. 73–94).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 330).

Датируется с 9 августа по 5 ноября 1930 г.

К дневнику приложена справка, рукой неустановленного лица, на отдельном листе-табеле Народного комиссариата финансов:

«Краткая информация о работах оседания»

На 25 апреля проделаны следующие работы:

1. Коллективизировано 2832 хозяйства, или 62% всего контингента оседающих. Организовано 42 колхоза (39 артелей и 3 союза). Посевная площадь оседающих хозяйств 27.198 га. Собрано семян 5390 центнеров, страхового фонда 387 центнера. Отремонтирован инвентарь полностью. Тягловой силой также обеспечено полностью. Землеуказание выполнено на 116% применительно к организованным точкам оседания. Работало по составлению плана 9 агрономов, 4 студента.

Русские колхозы в порядке шефства выслали в оседающие колхозы опытных колхозников для проведения сева. Работала в ауле выездная редакция с типографией газеты «“Кзын-Дала”».

Работают культурные бригады Союзов. В порядке проведения подготовки посевной проведен месячник животноводства, давший следующие результаты:

Организовано 2 случайных пункта, 1 случайный пункт искусственного осеменения. Составлен план сенокосения, работают 3 ударных бригады по ремонту сеноуборочных машин. Подготовлено кадров 12 (животноводов <?>). Вскрыто силосных ям — 2, обследовано ветврачами 23 колхоза и 13 аулсоветов. Работает отряд Ветэпо. Организовано 2 МЕС, обслуживающих 5 аулов. Краевые организации. Колхоз союза и другие еще до сегодняшнего дня не полностью обеспечены даже сметами, проектами, нарядами на зондируемые строительные материалы. Отсутствует перевод средств по кредиту и бюджету (госпошлин) на произведенное строительство. Имеющиеся 100 000 рублей в <1 сл. нрзб> остались не использованными. Посланные крайкомпрофсоюзом 2 десятника на лесозаготовки 2 месяца бездельничали, были возвращены крайкомпрофсоюзу. Не использованные наряды на лесоматериалы дезорганизовали¹ (4 раза были изменения) работу заготовки леса. Все это в известной степени тормозило успешному ходу выполнения подготовительных работ. При условии правильной организации работ на местах, а также четкого руководства со стороны краевых организаций полностью обязать успех 100% выполнения плана работ.

г Семипалатинск. М. Дацевич
8/V-31 года.

2 — Подготовка к строительству развернута. Укомплектован штат строительного отдела (2 техника, 7 десятников). Идет изготовление стандартов. Заготовлено к конюшням 300 штук рам, 100 штук косяков. Полностью изготовлены саманные ящики, обеспечены мелким инвентарем (кадками, топорами, ломами, кирками и другим).

Услано на производство местных стройматериалов в точках оседания 7 десятников. Плохо обстоит дело с заготовкой лесоматериалов.

3 — Укомплектовано (вновь открываемые) 2 агропункта, 2 фельдветпункта.

4 — Заключен договор на культурно-социальное строительство в районе (школы, больницы и другое), в обеспечение договора переведено 52 000 рублей техстройконторе. Развернута работа по заготовке строительных материалов.

5. Почтовой сетью (агентства, сельписьмоносцы) охвачен район полностью с перевыполнением планов работ.

¹ Так в тексте.

6. В порядке проведения массовой работы город организовал средства для культурного строительства и обслуживания оседающего населения.

Одновременно необходимо отметить, что районные организации (колхозсоюз, райкомы) еще не полностью перестроили к обещанному мероприятию по оседанию.

Газета “Советская степь”».

К дневнику приложена статья из газеты «Власть труда» (1930. Октябрь. № 287):

«Четырнадцать за два месяца.

Завод Кавцинк основное производство в Северной Осетии. Завод имеет в своих рядах свыше 2000 рабочих. Не далек тот час, когда этот завод войдет в списки гигантов-заводов Советского Союза.

Можно ли сказать, что внутри завода ведется такая работа, которая обеспечивала бы участие масс в выполнении производственных задач, стоящих перед Кавцинком. Нет! Этого сказать нельзя и в первую очередь нельзя сказать по отношению к партийной организации. Для того, чтобы повести массы за собою, для того, чтобы эта масса участвовала в работе всего завода, нужна в первую очередь внутренняя самомобилизация партийной организации. Нужно в первую очередь, чтобы коммунисты являлись образцами для всей беспартийной массы.

Партколлектив Кавцинка такой образцовой работой похвастаться не может. Что определяет работу каждого партколлектива? Рост парторганизации за счет лучших активистов-ударников. Ударник в партию пойдет, если вся работа будет показательной. Конечно, мы были бы неправы, если бы огульно обвинили ячейку в том, что она ничего не делает. Нет! Кое-что партия делает, и даже это “кое-что” дает свои результаты. В августе и в сентябре месяце в партию были приняты 14 человек, в своем большинстве — нацмены. Однако такой рост недостаточен.

Что же мешает нормальному росту, что служит причиной того, что партийная организация еще далеко в ненадлежащей степени возглавила движение рабочих масс? Такой причиной является — расхлябанность внутри самого партколлектива. На заводе 300 с лишним членов и кандидатов. Сколько же из них присутствует на партсобрании? 24 июня из 300 человек присутствовало всего 121, а 18 сентября 120 человек. Это по протоколу, а газета “Металлист” доказывает, что было всего лишь 9 человек. Остальные зарегистрировались и смылись (кстати,

на заметки в газете “Металлист” местные организации не обратили никакого внимания).

Так обстоит дело с посещением партийных собраний. Не лучше обстоит дело и с трудовой дисциплиной среди членов партии. Прогулы, пьянства, ударника на бумаге — все это довольно частое явление для отдельных партийцев завода “Кавцинк”. Такие позорные факты среди членов партии не встречают должного отпора со стороны всего партийного коллектива в целом.

Тормозит рост также недостаточное внимание к рабочим предложениям со стороны партколлектива, возьмем хотя бы такой пример: студенты, работающие на Кавцинке совместно с рабочими, внесли рационалистическое предложение, которое по самым простым и примитивным расчетам дает триста двадцать одну тонну лишнего цинка. Но и на это предложение рабочих партколлектив не обратил никакого внимания.

Разве такой работой можно добиться роста, разве можно завоевать авторитет среди рабочих масс? Нельзя! Только тогда, когда партийная организация к каждому предложению рабочего, к каждому проявлению инициативы рабочего будет подходить внимательно, вдумчиво, будет приближать этого рабочего к партийной ячейке, вовлекать его в работу. Только тогда мы сумеем обеспечить выполнение директивы партии по вопросу пополнения ее рядов за счет рабочих.

Партколлектив завода не только не может обеспечить роста за счет рабочих, но даже за счет рабочего комсомольского молодняка не растет партийное ядро. Не растет потому, что партийное руководство комсомолом ни в коей мере не осуществляется. Комсомол взял на себя смелую и боевую задачу. Он решил специальным комсомольским цинковым походом расширить выработку цинка. Эта прекрасная инициатива комсомола не встретила поддержки со стороны бюро партийного коллектива, а ИТС вместо того, чтобы помочь, само решило провести такой же поход. В результате получилась чепуха. Понятно, что так руководить комсомолом нельзя. И потому, что нет руководства в комсомоле, мы имеем целый ряд нездоровых явлений.

Близятся перевыборы партийного коллектива. Все свои недостатки парторганизация завода “Кавцинк” должна учесть и подумать о дальнейшем руководстве, которое обеспечило бы рост партийной организации.

ЮРИН».

С. 29

Вот — развод с Борькой. — Борис Петрович Корнилов (1907–1938), поэт. Родился в г. Семенов Нижегородской губернии, в 1925 г. переехал в Ленинград, в 1926 г. вместе с О. Ф. Берггольц был участником литературной группы «Смена». С 1926 по 1930 г. муж Берггольц. Подробнее о нем см. т. 1 наст. изд. В июне 1930 г. Корнилов и Берггольц официально расстались, но фактически их развод был оформлен 2 марта 1932 г., в тот же день, что и брак Берггольц с Н. С. Молчановым (о нем см. коммент. ниже). Подробнее о взаимоотношениях Берггольц и Корнилова в 1929 г. см.: *Прозорова Н. А.* О Берггольц и Б. Корнилов: к истории личных и творческих отношений в 1929 г. // «Так хочется мир обнять»: О. Ф. Берггольц. Исследования и публикации: К 100-летию со дня рождения. СПб., 2011. С. 65–78). Далее везде: Борис, Борька.

...ехала-ехала на Кавказ. — Записи этого периода отражают работу О. Ф. Берггольц на журналистской практике во владикавказской газете «Власть труда».

...соплась с Николаем. — Николай Степанович Молчанов (1909–1942), литературовед. Обучался на факультете языковедения и материальной культуры ЛГУ. Согласно трудовой книжке, с 1929 г. работал в газете «Голос пахаря» в качестве практиканта. Затем специальный корреспондент передачи «Рабочий радиополдень» (Ленинград). С 1930 г. — сотрудник газеты «Красное знамя». Вместе с Берггольц, ставшей его женой, уехал в Алма-Ату, где был заведующим сектором районной печати в редакции краевой газеты «Советская степь» (с 15 декабря 1930 г.). В 1932 г. Молчанов был призван в ряды РККА, но вскоре был демобилизован по болезни и вернулся в Ленинград. С 1933 г. работал инструктором-методистом оборонной комиссии Оргкомитета ССП (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 1377). В октябре 1934 г. поступил в аспирантуру литературного отделения Государственной академии искусствознания; в марте 1938 г. защитил диссертацию по теме «К проблеме Пушкина в 60-е годы», получив степень кандидата филологических наук. С 1938 г. работал в Публичной библиотеке. Молчанов умер в блокадном Ленинграде 29 января 1942 г. в психиатрической больнице, похоронен в братской могиле. Далее везде: Коля, Колька, Николай.

С. 30

...к Севкавцинку. — Завод по производству цинка во Владикавказе возник в 1898 г. как небольшое предприятие «Алагир». С 1922 г. на базе предприятия бы-

1933 год

4/1-33 Ну, системочка... (С. 179–180, 183–189, 192–195, 200–202, 204–222).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 338. Л. 6–31).

Датируется с 4 января по 31 октября 1933 г.

14/1-33. Владислав Невинский... Электросиловский дневник 1932/33 год
(С. 181–184, 186–191, 193–199).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 336. Л. 12об.–32).

Датируется с 14 января по 16 марта 1933 г.

Ольга Берггольц Электросиловский дневник (С. 199–204, 205–213, 222–231).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 339).

Датируется с 16 марта по 5 июня 1933 г.

Большинство записей — разработка для романа «Цех фантазеров».

6/VIII-33 г. (С. 231–243).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 340).

Датируется с 6 августа по 23 декабря 1933 г.

С. 179

Гублит и горлит... — Гублит, губернский отдел литературы и издательства; горлит, городской отдел литературы и издательства; по сути, местные отделения Главлита (цензуры). Ленинградский горлит (Леноблгорлит) имел структуру, строго определенную Главлитом еще в ноябре 1922 г. Во главе его стоял заведующий, назначаемый областным отделом народного образования (после 1931 г. — высшей областной партийной властью). Два помощника заведующего — представители военного командования и областного управления ГПУ. Кроме того, существовали административно-инструкторский и литературный подотделы, секретариат, библиотека и архив. Также см.: http://www.adresaspb.ru/arch/adresa_21/21_006/21_6.htm.

С. 180

...отрицать «надстройки!..». — Надстройка, понятие исторического материализма, обозначающее совокупность идеологических отношений, взглядов и учреждений определенного общества; к ней относятся политиче-

ская и правовая формы сознания, соответствующие учреждения, а также мораль, религия, философия, искусство.

Леопольд, получила твое письмо. — Л. Л. Авербах. Вся переписка с Авербахом, скорее всего, была уничтожена О. Ф. Берггольц в 1937 г.

Речь Сталина. — Имеется в виду выступление И. В. Сталина с докладом «О работе в деревне» на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), проходившем 7–12 января 1933 г.

«Нам ли, брошенным в пространство...» — Цит. стихотворение «О свободе небывалой...» (1915) О. Э. Мандельштама.

С. 183

...см. ту тетрадь... — О какой конкретно дневниковой тетради идет речь, не выяснено.

...с Дудкиным... — Дудкин, сотрудник администрации завода «Электросила».

...адм<инистративный?> восторг... — Так говорится о поведении должностного лица, которое использует свою власть для самоутверждения. Из романа «Бесы» (1871–1872) Ф. М. Достоевского (ч. 1, гл. 2).

...«взад» или «обратно», как гов<орил> Зоценко... — Речь идет о рассказе «Честный гражданин: Письмо в милицию» (1923) Михаила Михайловича Зоценко (1895–1958), в котором герой употребляет слова «взад» и «обратно».

С. 184

...обнаружила, что у Ирки — аскериды. — Правильно: аскариды (Ascarididae), семейство круглых червей. Паразитируют в кишечнике человека и позвоночных животных.

Смешная жизнь! — Цит. стихотворение «Мне грустно на тебя смотреть...» (1923) С. А. Есенина.

С. 185

...Володьку Молчанова. — В. С. Молчанов, брат Н. С. Молчанова.

С. 186

Наверно, моя книжка об электросиловском комсомоле так света и не увидит... — Книга о комсомоле «Электросилы» О. Ф. Берггольц не была написана.

...дают партийную работу — главу (ответственную) в книге «Московская заставка»... — Речь идет о работе над книгой: *Берггольц О., Букина В., Гаврилова И. и др.* Годы штурма. Московский район в первой пятилетке. Л.: Мос. район. к-т ВКП(б), 1933.

С. 187

У Достоевского какой-то капитан говорил: «Если бога нет, то какой же я капитан?» — Эту фразу произносит Петр Верховенский, герой романа «Бесы» Ф.М. Достоевского.

Если революции нет (т. е. «термидор, перерождение»)... — Термидор, контрреволюционный переворот. Назван по перевороту, осуществленному 9 термидора (27 июля) 1794 г. во Франции во время Великой французской революции и положившему конец диктатуре якобинцев.

С. 188

Поступил на 2 курс ЛЭМи... — Ленинградский электромеханический институт (1930–1934). 26 апреля 1934 г. вошел в состав Ленинградского промышленного института.

С. 189

...«Ночь в “Новом мире”»... — Рассказ был написан под впечатлением встреч с людьми, когда О.Ф. Берггольц работала журналисткой в Казахстане в 1931 г. Впервые опубликован: *Берггольц О.* Ночь в «Новом мире». Рассказы. Л.: Худож. лит., 1935.

С. 191

...была на Егоровце... — Имеется в виду Ленинградский вагоностроительный завод им. И.Е. Егорова (ныне «ВАГОНМАШ»). Назван в 1922 г. по имени участника революционного движения И.Е. Егорова. В 1920–1930-е гг. завод выпускал пассажирские вагоны для пригородных поездов и составов дальнего следования.

С. 192

«Бароны пируют, бароны воюют»... — Цит. «Немецкая баллада» (1854) Козьмы Пруткова (коллективный псевд. братьев Жемчужниковых — Алексея [1821–1908], Владимира [1830–1884] и Александра Михайловичей [1826–1896] и Алексея Константиновича Толстого [1817–1875]).

...Юрий Герман прославляется... — Юрий Павлович Герман (1910–1967), писатель. В 1931 г. был опубликован роман Германа «Вступление», встреченный критикой недружелюбно. М. Горький посчитал, что «несмотря на многие недостатки, получилась прекрасная книга» (Правда. 1932. 6 мая). После оценки Горького нарком просвещения А.А. Бубнов рекомендовал роман режиссеру Вс.Э. Мейерхольду для постановки, что

и было сделано в 1933 г. Отношения Ю.П. Германа с О.Ф. Берггольц, которые длились всю жизнь, можно было бы определить как переходы от романтической дружбы к вражде и возвращение снова к дружбе. Подробнее см.: *Левин Л.* Дни нашей жизни: Книга о Ю. Германе и его друзьях. М., 1981.

...Маршак забраковал «Пимокатов». — В письме к Н.С. Молчанову О.Ф. Берггольц отмечала: «Марш<ак> сделал кое-какие правильные замечания, но сделал их, как сомнамбула: ведь он абсолютно не знает материала, ни истории пионерского движения... Маршак работает как слепой, исключительно на интуиции...» (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 65). Тем не менее, когда книга вышла, Берггольц преподнесла ее Маршаку с надписью: «Милому Самуилу Яковлевичу, на строгий суд — с благодарностью за учебу, с желанием работать вместе еще и еще. Ольга. V-34» (цит. по изд.: «Я хочу жизни — много, много...»: Дневник О.Ф. Берггольц 1928–1930 годов / Публ. Н.А. Прозоровой // Борис Корнилов: «Я буду жить до старости, до славы...». СПб., 2012. С. 300).

...Осиновский... — Заведующий издательством «Молодая гвардия».

...свести ее только к «дрейфусиаде» с педагогом... — «Дрейфусиада», в данном случае позорное судилище. В книге «Пимокаты с Алтайских» есть эпизод, когда «отсталый» учитель географии судит революционно настроенных учеников.

С. 193

...кричит об «ужасах Соловков». — В Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН), созданный ГПУ РСФСР в 1923 г. на территории Соловецких островов, отправлялось большое количество ленинградской интеллигенции. В декабре 1933 г. лагерь был расформирован, а его имущество — передано Беломоро-Балтийскому лагерю. «Отправиться в Соловки» при советской власти стало устойчивым идиоматическим выражением.

С. 194

...Косарев... — Александр Васильевич Косарев (1903–1939). Партийный и государственный деятель. Генеральный секретарь комсомола с 1929 по 1939 г. Репрессирован в 1938-м, расстрелян в начале 1939 г.

С. 196

«А комсомол смеется ≈ несется к коммуне мировой». — Цит. популярная песня 1930-х гг. неизвестного автора.

...из спецовской семьи... — Производное от слова «спецы», так называли представителей непролетарской среды.

С. 197

«Застава» — Здесь и далее план и наброски к роману, над которым О. Ф. Берггольц работала многие десятилетия. История рода Ольги Берггольц была тесно связана с Невской заставой. Берггольц работала над романом «Застава» несколько десятилетий, но он остался в набросках.

Отец. — Федор Христофорович Берггольц (1885–1948), врач. Ушел добровольцем на Первую мировую войну, служил хирургом 39-го полевого запасного госпиталя. С 1918 по 1920 г. участник Гражданской войны: старший врач 5-го врачебно-санитарного поезда. С 1921 г. до начала Великой Отечественной войны работал врачом хирургического отделения амбулатории фабрики «Красный ткач им. Э. Тельмана» (бывшая Нортон).

Дед. — Христофор Фридрихович Берггольц (1854–1925), дед О. Ф. Берггольц по отцовской линии, работал с мая 1879 г. заведующим хозяйственной частью на «Александрово-Невской мануфактуре К. Я. Паля».

Бабка. — Ольга Михайловна Берггольц (по первому мужу Королева; 1850–1925), бабушка по отцовской линии.

Мать. — М. Т. Берггольц.

Бабка — Грустилина — Мария Ивановна Грустилина (урожд. Прохорова; 1854–1941).

Авдотья... — Прислуга в доме Х. Ф. и О. М. Берггольц; нянька сестер Берггольц.

Семья Берггольц... — Родственники О. Ф. Берггольц со стороны отца.

Грустилины — Родственники О. Ф. Берггольц со стороны матери.

Ногин. — Виктор Павлович Ногин (1878–1924), государственный и партийный деятель. Член РСДРП с 1898 г.; с 1901 г. агент «Искры». После II съезда РСДРП — большевик. В составе первого Совета народных комиссаров был наркомом по делам торговли и промышленности. С 1918 г. заместитель наркома труда, член Президиума ВСНХ; в 1921–1924 гг. председатель Центральной ревизионной комиссии РКП(б). Автор очерка «История фабрики Паля и характеристика хозяев» (см.: Рабочая мысль. 1897. № 6).

Паль — завоеватель. — Яков Паль (1809 — после 1873?), немец по происхождению, основатель мануфактурной фабрики.

Бабушкин — изучить его биографию... — Иван Васильевич Бабушкин (1873–1906), профессиональный революционер, член РСДРП. С лета 1891 г. работал слесарем на Семянниковском заводе в С.-Петербурге. Вел революционную работу среди рабочих Семянниковского, Александровского и Стекланного заводов, организовывал рабочие кружки и библиотеки.

В январе 1896 г. арестован по делу «Союза борьбы» и выслан в феврале 1897 г. в Екатеринослав. Агент и активный корреспондент «Искры». В 1903 г. арестован и выслан на пять лет в Восточную Сибирь. Освобожденный по амнистии 1905 г., активно участвовал в революционных событиях 1905–1907 гг. В январе 1906 г., транспортируя из Читы в Иркутск оружие для рабочих, был захвачен карательной экспедицией и 18 января 1906 г. на станции Мысовая расстрелян.

...Матрена-босоножка. — Речь идет о петроградской юродивой Матроне-босоножке, судьба которой связана со Скорбященской церковью на Невской заставе.

Дядья — Шура, Коля — Александр Тимофеевич Грустилин (1882–1930); Николай Тимофеевич Грустилин (1885?–1917), родственники О. Ф. Берггольц со стороны матери.

Дядя Володя — Вероятно, Владимир Григорьевич Степанов (1892–1945), родственник О. Ф. Берггольц со стороны отца.

Тетки — Варя, Полина, Анастасия, Поля. — Варвара Тимофеевна Грустилина (1888–1942), Аполлинария Тимофеевна Горбачева (урожд. Грустилина; 1893–1942), Анастасия Тимофеевна Грустилина (1891?–1942), Пелагея Тимофеевна Челнокова (урожд. Грустилина; 1903–1986).

Фабрика Паля — Ситценабивная мануфактура была основана в 1837 г. Я. Палем; на ее основе была создана «Александрово-Невская мануфактура К. Я. Паля», которую возглавил Карл Яковлевич Паль (1845–1910). Мануфактура располагалась по адресу: Невская застава, Шлиссельбургское шоссе, д. 35. «Александрово-Невская мануфактура К. Я. Паля» к началу XX в. считалась в России вторым по мощности ситценабивным предприятием и имела несколько фирменных магазинов в крупнейших городах России. В 1885 г. на Всемирной выставке в Париже за качество продукции получила большую золотую медаль.

Максвеля — Хлопчатобумажные фабрики машинного производства; основаны в 1839–1844 гг. англичанами Д. Д. и Я. Д. Максвель (отсюда старое название — «фабрики Максвель»). Крайне тяжелые условия труда вызывали здесь много раз волнения рабочих; они активно участвовали во всеобщих стачках текстильщиков в 1896–1897 гг. После Октябрьской революции фабрика была реконструирована.

С. 198

Торнтон — Суконная и одеяльная фабрика была основана в 1866 г. Джеймсом Торнтоном на правом берегу Невы; в 1922 г. была переименована в фаб-

- рику шерстяных изделий «Красный ткач». В 1927–1929 гг. рядом с ней была построена фабрика технических сукон, которой в 1933 г. было присвоено имя Э. Тельмана. В 1936 г. фабрики были объединены в предприятие — Объединенные фабрики «Красный ткач» и технических сукон им. Э. Тельмана. В 1938 г. оно было переименовано в Ленинградский государственный комбинат тонких и технических сукон им. Э. Тельмана.
- Варгунина** — Товарищество Невской писчебумажной фабрики «Братья Варгунины» было основано на базе фабрики, принадлежавшей семье, братьями Павлом и Александром Варгуниными в 1871 г.
- Смоленка, — фарфоровое.** — Фарфоровый завод им. М.В. Ломоносова. См. о нем комментарий ниже.
- Семянниковский** — Невский машиностроительный завод им. В.И. Ленина; о нем см. коммент. на с. 693.
- «Большевик»** — Бывший сталелитейный завод Обухова. Свое название получил в честь известного ученого в области металлургии П.М. Обухова. Строительство завода закончилось в мае 1863 г. После открытия на заводе стали производить артиллерийское вооружение. В 1880–1890-х гг. здесь начали изготавливать бронеплиты и вооружение для судов. В 1904 г. Обуховский завод соединили с Александровским сталелитейным заводом. После Октябрьской революции завод переименовали в Петроградский завод «Большевик».
- Пролетарский** — Паровозоремонтный завод был организован в 1826 г.; в 1865 г. переименован в Александровский главный механический завод Петербургско-Московской железной дороги. С 1923 г. — Пролетарский паровозоремонтный завод.
- Зав<од> Ломоносова** — Первоначально именовался «Невская порцелиновая мануфактура», с 1765 г. — Императорский фарфоровый завод, с 1917 г. — Государственный фарфоровый завод, в 1925 г. в связи с 200-летием Российской академии наук заводу было присвоено имя М.В. Ломоносова; находится по адресу: проспект Обуховской Обороны, д. 151.
- Стеариновый завод** — Имеется в виду созданное в 1868 г. «Невское стеариновое товарищество», прославившееся не только в России, но и во всем мире высоким качеством продукции. Уже в начале XX в. завод производил 40 разновидностей свечей отличного качества, глицерин, стеарин и, конечно, туалетное и хозяйственное мыло.
- Познакомиться с Палем.** — Предположительно, речь идет о сыне К.Я. Паля — Николае Карловиче, который входил в состав руководства мануфактурой до Октябрьской революции.

- Ленин — «Развитие капитализма в России»** — Монография В.И. Ленина, посвященная анализу экономического развития России. В книге с помощью марксистской теории проведено исследование экономики и социальной структуры России последней трети XIX в. Работа написана в 1896–1899 гг. и вышла отдельной книгой в 1899 г.
- Маркс — «Капитал»...** — «Капитал» (1867), главный труд К. Маркса.
- Туган-Барановский — «История русск<ой> ф<абри>ки»** — Михаил Иванович Туган-Барановский (1865–1919), экономист, историк. В данном случае речь идет о первом томе его книги «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (1898).
- Энгельс — «Происхождение семьи, частной собственности и государства»** — Фридрих Энгельс (1820–1895), один из основоположников марксизма, друг и соратник К. Маркса. Речь идет о его работе 1884 г.
- «Володарка» (купить).** — Речь идет о книге: Володарка [Статьи по истории писчебумажной фабрики им. В. Володарского] / Организатор книги А. Ульяновский; отв. ред. Дм. Лаврухин. [Л.:] Изд-во писателей в Ленинграде, 1932.
- Энгельс — о коммун<альном> хоз<яйст>ве.** — Речь идет о статье Ф. Энгельса «К жилищному вопросу» (1872–1873).
- Шагинян — «Ф<абри>ка Торнтон».** — Мариэтта Сергеевна Шагинян (1888–1982), писательница. Речь идет о книге: *Шагинян М.* Фабрика Торнтон / Предисл. Н.К. Крупской. М., 1927.
- ...И он стал перебирать в воображении ≈ могло быть не то...** — Цит. повесть «Смерть Ивана Ильича» (1886) Л.Н. Толстого.

С. 199

- Жизнь есть боль ≈ бог не будет...** — Слова Кириллова, персонажа романа «Бесы» (1871–1872) Ф.М. Достоевского.
- Черная сотня.** — Крайне правые организации в России в 1905–1917 гг., выступавшие под лозунгами монархизма, великодержавного шовинизма и антисемитизма. Другое название — Союз Михаила Архангела.
- ...как читала Вересаева — «Живая жизнь»...** — Речь идет о первой части — «О Достоевском и Льве Толстом» (1910) — книги «Живая жизнь» (1915) писателя Викентия Викентьевича Вересаева (1867–1945).

С. 200

- ...Акуратнов...** — Рабочий завода «Электросила».
- ...стали петь — «И боец молодой»...** — Слова песни «Там, вдали за рекой...».